

ЦЕНА ОТДЕЛЬНАЯ: № 3 коп.

УБРАНЕЦЪ

Вторникъ 7-го Февраля 1912 года.

№ 27.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА:

съ доставкой и пересылкой
на годъ — 5 р., 6 мѣс. — 2 р. 75 к.,
3 мѣс. — 1 р. 50 к., 1 мѣс. — 55 к.
За пересылку город. и адреса на иностран. — 30 к.

Объявленія принимаются по тѣмъ:

На первой страницѣ за строку печата или за-
нимаемое ею мѣсто — 25 к., на 2-й стр. — 30 к.,
на 4-8 стр. — 15 к.

Редакция открыта ежедневно отъ 11 час.
утра до 2 час. дня. **Монитор** и отделение
конторы при типографіи „Заря“ Ин. Монс.
Труба (Глизицкая, № 47) открыта еже-
дневно, кромѣ воскресныхъ и праздничныхъ
дней отъ 9 ч. утра до 7 час. веч.

Ежедневная политическая, общественно-экономическая и литературная газета.

Сапоги всмятку.

Рассказ А. П. Чехова.

В книге кроме писем, есть и беллетристическая вещь А. П., это — шутка-разсказ „Сапоги всмятку“, написанный специально для двух знакомых детей.

Чехов старательно и отчетливо переписал сказочку, вставив в ней в текст чужие печатные картинки и свои собственные, причем, если упоминается конфетка, то сейчас же и следует изображение этой конфетки; если речь об остатках от обеда, то следует идти рыбы голова и хвост.

Приводим эту шутку.

САПОГИ ВСМЯТКУ.

Разсказ для детей с иллюстрац.

Соч. Архипа Индиккина.

(Посвящ. Василию и Сергию).

Особенно ученым комитетом не только для детей, но даже и для генералов, трижды перепроверено, непротивно ли членам и писателям.

Благодаря цензуре с тем, чтобы эти сидели смирно за обедом и не кричали, когда старшие едят.

Цензоръ Пушкова.

ГЛАВА I.

В городе Москвит, на Жиндорск, в дом купчихи Левиташкиной, жило одно очень прекрасное и благородное семейство, которое веками было любимое.

Папашу звали Мордехай Панин, а мамашу звали Мордехай Панин. Это были люди с глазами, носом и

ушами. Он был писаный, как бутылка с водкой. Но посмотрите на него сзади, — и вы, дети, увидите, как он красив.

(В этом месте, как и во многих других, следует наклеенный печатный рисунок, раскрашенный самим Чеховым.)

Он был очень хороший человек, носил изящную жилетку, ел детей и пил после обеда.

Мамашу звали Макарида Павловна. Это была в высшей степени красивая женщина. У ней был гордый взгляд, и губы складывались в презрительную улыбку.

Она считала всех дураками, а себя — умной, потому что умела говорить „мерси“ и „до-мю“.

Каждый вторник она покупала на 10 конфет пудры.

У папашы и мамашы было четверо детей: Миша, Терентий, Кикиша и Гриша. Миша был очень умный мальчик. Он редко стоял на козлы, а когда его сбили, не дрыгал погами.

Он учился в гимназии, где отличался поистине: сидел по три года в одном классе.

Терентий часто плакал, кричал у папы напролом и обижался.

Он был педантичен и часто устанавливал за обедом, причем мама брала его за ухо и уводила, а остальные замкнули носы и говорили: „уф“.

Кикиша был мальчик, который хороший, но он научился у Сергия Кисилова — ходить на голову, лезть по спинке дивана и лезть лягушек.

Самый лучший мальчик был Гриша, который слушал маму и папу, хорошо учился и помогал бедным. Бывало, ставил у мамы яблоко или конфетку, отдавал нищему. За это он, по приему прочим, раскрашен здесь.

Если дети, и вы будете хорошо вести себя, то и вы будете раскрашены красками.

У детей был дедушка Пантелей Тарасович.

Он день и ночь лежал за ширмочкой, где его кусали клопы и блохи. Клопы он давил на стул, а блох между ног.

От него пахло табаком, уксусом и еще чем-то таким, что неприятно сказать; бедняжка часто раздвигала себе желудок. Ходил он в синих брюках, так как черные были съедены мышами.

К счастью, Мордехай Панин любил кошку, а то мыши съели бы и остальные брюки, и дедушка при гостях должен был бы прятаться.

Прислуж было двое: лакей Никита и кухарка Перенетия.

Когда они на кухне дрались или опрокидывали на пол соус, то папаша грозил им кулаком.

Брюшкины жили богато. У них в конюшней была лошадь, которая бегала быстро. На ней ездили кататься. Но, к сожалению, она у них не была. Было у них много мебели, стол, самоварная труба, утюг, намордник, клопы и прочие вещи, необходимые для хозяйства. Папа покупал

прошлогодние газеты, которые читал и рвал на небольшие куски, которые мнил.

Каждое утро дети просыпались, и дом Брюшкиных поражал всех тишиной.

Напили чаю, дети садись учиться. К ним приходил их учитель Дермидонтий Дифтеритонич Дырочкин, личность свѣтлая и ученая. Водки он не пил, а только пахнул ею. Говорил он хриплым басом и сбилел, как лошадь. Учеником был ленивой.

Жил тот Дырочкин в 7-м этаже дома Галашкина, где по вечерам учился играть на трубе. Играл он до трех часов ночи, отчего соседи спали криво.

Учил он детей чистописанию, потому что главное в жизни — чистописание.

Платил ему три рубля в месяц. Часто мамаша оставляла его обедать. Он ел руками, утирал губы скатертью и брал у соседа хлеба.

После записей все обидели. Подали за стол суп, горчицу, говядину и иногда рыбу.

Когда кто-нибудь из детей плакал за обедом, то папаша делал выговор; а после выговора задал порку. Перед вечером привожала тетя Жюльетта Панина, от которой пахло духами.

А раз, из Чернигова прив-

ГЛАВА II.

Жила другая тетя, Мордехай Васильевна.

Вечером дети читали журнал „Детское Утомление“ или сочинения Богемского и Политковской, которая отлично пишет. Ужинали дети остатками от обеда.

Когда ложился спать, то мама отворила форточку и говорила: „Не нужно детям ржанием, хлѣбом кормить“.

ГЛАВА III.

Когда дедушка издох, то Брюшкиным осталось наследство. Они купили себе сапоги и стали давать обеды.

После обеда гости выходили на террасу курить.

Дети должны были сидеть в детской и не кричать. Вечерами хозяйка и гости задавали вопросы.

Папаша играл на скрипке, мамаша — на рояле, тетя Жюльетта Панина — на дисканте, Семен Крокотилович — басом, Дюдорь Казимир — тенором. Выки играл на виолончели, а в столовой приготовляли закуски и подочку.

ГЛАВА IV.

В четвертой главе пропавшая скандал: когда автор писал ее, то неожиданно вошла его жена и сказала:

— Если ты, рыцарю, не перестанешь писать, то и у тебя лампа отгнута.

Бедному автору пополам приходится писать слово:

Конеч.